

13. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. С. 140-141.

14. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т.4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. С. 174-177, 214-217, 224-227.

15. Там же.

16. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд.2. Занятия. Отд. отг. табл. части Т.21. М., 1929. С. 273, 346, 362. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т.4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. С.177, 217, 227.

17. Подсчитано по: Тобольская губерния: первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXVIII. Спб., 1905. С. 148-149.

18. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд.2. Занятия: отд. отг. табл. части Т. 21. С. 273, 346, 362.

19. Там же.

20. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд.2. Занятия: отд. отг. табл. части Т. 21. С. 122, 273,346, 362.

21. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд.2. Занятия: отд. отг. табл. части Т. 21. С. 178-180, 273, 346, 362.

22. Там же.

23. Например, средний заработок батрака в Ялуторовском районе в 1928 г. составлял 16 руб., пастуха — 30 руб. ГАОПОТО. Ф.3930. Оп. 1. Д. 28. Л. 81.

24. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд.2. Занятия: отд. отг. табл. части Т.21. С. 178-179, 273, 346, 362.

25. Там же.

26. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд.2. Занятия: отд. отг. табл. части Т.21. С. 178-180, 273, 346, 362.

27. Там же.

28. Там же.

29. Там же.

*Анастасия Викторовна ПУРТОВА —
аспирантка кафедры отечественной истории*

УДК 94(571.12)

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1946–1953 гг.)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные тенденции восстановления и развития сельского хозяйства Тюменской области в 1946–1953 годы.

The author considers major tendencies of agricultural revival and development in Tyumen region during 1946-1953.

Новое осмысление основных проблем истории российского крестьянства и аграрного сектора экономики страны в первые послевоенные годы является составной частью и необходимой предпосылкой для исследования всей истории советского общества в тот период. В этом плане обращение к практике восстановления и развития сельского хозяйства Тюменской области в 1946–1953 гг. представляет определенный интерес, тем более что данный вопрос не получил завершеного отражения в региональной историографии.

В 1940–1950-е гг. Тюменская область не относилась к ведущим сельскохозяйственным районам страны, хотя ее экономика оставалась по преимуществу аграрной. Удельный вес региона по валовому сбору зерновых культур в 1953 г. составлял 1,2%, в заготовках мяса — 0,8%, молока — 1,3%, шерсти — 0,4% общесоюзных показателей [1].

25 южных районов, являвшихся основной сельскохозяйственной зоной края, использовали лишь 58% сельхозугодий; остальная территория была занята лесами, кустарниками и другими неосвоенными землями. Нередко посевные площади затоплялись паводковыми водами. В результате из сельскохозяйственного оборота выпадали даже освоенные земли, снижалась урожайность, ухудшался травостой лугопастбищных угодий [2]. На состоянии сельского хозяйства негативно сказывались частые административно-территориальные перестройки 1930-х гг., когда районы, переходя из одной области в другую, не имели единого и перспективного плана мероприятий по развитию земледелия и животноводства [3].

Однако главными проблемами тюменской деревни являлись ее недостаточное финансирование и низкий уровень материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов. Излишне оптимистическая ставка на роль моральных факторов, в то же время полное игнорирование и подавление экономических законов, жесткое административное вмешательство в хозяйственную жизнь (принудительный характер труда, завышенные нормы натурального и денежного налога, репрессивные меры в отношении крестьян) не обеспечили подъема колхозно-совхозного производства.

Восстановление сельского хозяйства Тюменской области после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. проходило в сложных условиях. К первому мирному году деревня пришла экономически ослабленной. Материально-техническая база сельскохозяйственного производства в начале послевоенного периода оказалась подорванной. В 1946 г. посевная площадь колхозов и совхозов составила лишь 67,5% от уровня 1940 г. [4]. Урожайность снизилась на 13%, как следствие, это привело к резкому уменьшению валового сбора зерна на 59,1% [5]. Невосполнимой была потеря трудовых ресурсов, численность которых сократилась на 40% [6].

Несколько разрядили ситуацию с нехваткой рабочих рук демобилизованные воины. За 1945-1946 гг. в Тюменскую область прибыли 44187 офицеров и солдат [7]. В то же время основной рабочей силой деревни по-прежнему оставались женщины — 54%. В 1949 г. они вырабатывали 47% трудодней; остальные приходились на мужчин — 37%, престарелых — 8,7%, подростков и детей — 4,3% и другие категории колхозников — 3% [8].

Недостаток рабочей силы усугублялся низким уровнем технической оснащенности села: в сравнении с 1940 г. количество тракторов уменьшилось почти на треть, не хватало комбайнов, сеноуборочных машин. Из-за чрезмерной эксплуатации и отсутствия доброкачественного ремонта (в области не было ни одного моторно-ремонтного завода, лишь в 17 из 71 МТС имелись ремонтные мастерские [9]) парк сельскохозяйственной техники оказался изношенным. По этой причине в 1946 г. не могло быть использовано 13,2% тракторов. Часть машин простаивала из-за нехватки горючего [10]. Как следствие, в первые послевоенные годы посев яровых был механизирован на 21%, подъем паров — на 61%, уборка зерновых — на 41% [11]. В связи с острым недостатком механической тяговой силы, сокращением поголовья лошадей (на 30%) и их истощением, в 1946 г. полевые работы проводились с использованием коров (38% общественного стада и личного хозяйства колхозников). Нередко люди вручную вскапывали и засеивали значительные площади. Таким образом, весенний сев превращался в тягчайшую повинность: государство нажимало на объемы и сроки, а пахать практически было нечем (в среднем на один колхоз приходилось примерно по 21 рабочей лошади, 24 коровы и 1,3 трактора) [12]. Количество новой техники, направленной на нужды сельского хозяйства в 1949-1950 гг. (394 трактора и 565 комбайна), едва позволяло заменить изношенный тракторный и комбайновый парк (в среднем на колхоз имелось 0,3 автомобиля, 1,4

комбайна и 1,9 трактора, что соответствовало уровню 1937 г.) [13]. Энерговооруженность сельскохозяйственного производства оставалась низкой и составляла менее 1 л. с. на работника. Правда, к 1951 г. уровень механизации полевых работ повысился до 83%, а к 1953 г. — до 92-100%, однако в животноводстве практически все работы осуществлялись вручную, лишь 6% колхозов пользовались электроэнергией [14].

В первые послевоенные годы государством предпринимались попытки навести порядок в землепользовании и оплате труда. 19 сентября 1946 г. ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», одной из задач которого было усиление борьбы с расхищением колхозного имущества [15]. Так, к середине 1947 г. сельхозартелям Тюменской области было возвращено более 22 тыс. га земли, 178 автомобилей и тракторов, 1365 голов скота. Однако положение осложнялось тем, что заготовительные, торговые организации и учреждения несвоевременно рассчитывались с колхозами за полученную от них продукцию и выполненные ими работы. Так, на 1 июня 1950 г. непогашенная дебиторская задолженность колхозам составила 3911 тыс. рублей [16].

В ходе кампании по ликвидации нарушений Устава сельхозартели больше всего пострадали простые труженики. Борьба против «разбазаривания общественной земли и растаскивания колхозной собственности» подразумевала сокращение личных подсобных хозяйств самих колхозников, являвшихся основным условием их выживания. Более того, в Тюменской области 13 тыс. колхозных дворов потеряли свои наделы [17]. К тому же постановление рекомендовало пересмотреть «устаревшие и заниженные нормы выработки», а это вело к сокращению числа трудодней, которые могли заработать колхозники. Обращает на себя внимание и то, что в этом документе государство, возлагая новые обязанности на деревню, не оговаривало, что же получит сельское хозяйство.

Выход из кризисного положения в колхозном производстве власти видели в усилении репрессивной практики. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищения государственного или общественного имущества» от 13 июня 1947 г. предусматривал «заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет с конфискацией или без конфискации имущества». Его осуществление совпало с голодом 1946-1947 гг., когда массовые хищения в колхозах, в основном продуктов питания (зерна, картофеля, овощей), были распространенным явлением. Выполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни», принятого 2 июня 1948 г., на практике выливалось в выселение колхозников, потерявших трудоспособность, лиц пенсионного возраста [18].

Условия жизни на селе были тяжелыми. Несмотря на это, большинство крестьян сохраняло лояльность существовавшему режиму. Они самоотверженно трудились. Объяснением этому феномену служил не только страх. Многие сельские жители не видели других путей выживания, кроме восстановления и укрепления общественного хозяйства.

Первый послевоенный пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства в 1946-1950 гг. некоторые исследователи считают нереалистичным и примером шаблонного подхода к планированию [19]. Думается, что в отношении оценки перспектив сельскохозяйственного производства в Тюменской области это положение вполне оправдано. К концу пятилетия здесь предполагалось превзойти довоенный уровень посевных площадей на 8%, поголовья

крупного рогатого скота — на 71%, лошадей — на 61%, овец — на 82%, свиней — на 250% [20] и т. д.

О том, насколько оторванными эти задания оказались от действительности, можно судить по тому, что в 1950 г. посевные площади под зерновыми составляли лишь 79% от уровня 1940 г., производство продуктов животноводства — 67% [21]. Не удалось выполнить план сбора зерновых.

Еще одним примером непродуманного планирования явился «Трехлетний план развития общественного и совхозного продуктивного животноводства (1949-1951 гг.)», который в Тюменской области был выполнен только по двум основным показателям (увеличение поголовья свиней и овец) из пяти [22].

В целом общественное животноводство региона развивалось по экстенсивному пути, при сохранении низкой продуктивности колхозно-совхозного стада и даже ее снижении. Яловость маточного поголовья в колхозах составляла 50%, велики были потери от падежа, слабо развивалась кормовая база, строительство животноводческих помещений шло медленно. План по водоснабжению ферм был выполнен только на 21%, по автопоению — на 12% [23]. К тому же сельское хозяйство области остро нуждалось в квалифицированных специалистах — ветеринарах и зоотехниках [24].

Велика была роль деревни в производстве животноводческой продукции. Однако, 62% продуктивного скота в начале 1950-х гг. было сосредоточено в приусадебных хозяйствах колхозников. В рассматриваемый период колхозные и совхозные фермы производили лишь 35% от общего объема производств молока, 33% — мяса, 6% — яиц [25]. Остальную продукцию давали личные приусадебные хозяйства. При этом продуктивность скота в них была выше, чем в общественном производстве.

Отнюдь не лучшим было положение и в так называемых передовых колхозах, составлявших 21,5% всех коллективных хозяйств. Собирая неплохие урожаи и добиваясь относительно высокой продуктивности животноводства, они выполняли и перевыполняли государственные планы сдачи сельскохозяйственной продукции и получали новые задания в значительно больших размерах, чем отстающие и плохо работающие колхозы [26]. Атмосферу тех лет передают короткие, но емкие замечания колхозников, тайно оставленные на избирательных бюллетенях (выборы в Верховный Совет СССР 1950 г.), где они требовали: «Меньше плана хлеба от колхозов!» (Тобольский район) [27], «Сначала накормите, а потом выборы проводите!» (Маслянский район) [28].

Одна из основных причин отсталости сельского хозяйства области заключалась в налоговом характере заготовок, сохранявшемся вплоть до начала 1950-х гг. В рамках сложившейся практики половина валового сбора зерновых и продукции животноводства сдавалось по ценам, которые компенсировали лишь часть затрат [29]. Непомерно высокие налоги были установлены на приусадебные хозяйства колхозников: в качестве натурального налога они поставляли государству по 40 кг мяса, 300 л молока, 10 ц картофеля, 100 штук яиц. Быстрыми темпами рос денежный налог: если в 1940 г. он составлял 112 руб., то в 1953 г. — 1200 руб. [30]. Такие меры не только негативно сказывались на состоянии тюменского села, но и превращали деревню в сырьевой придаток города. В результате из сельского хозяйства государство изымало огромные средства, лишь 65% которых направлялось на нужды деревни [31].

В этих условиях оставался невысоким уровень жизни сельских жителей, а натуральный и денежный доходы колхозников резко сократились. Если в 1940 г. на 1 трудодень выдавалось 1,4 кг зерна, то в 1946 г. — 0,4 кг, в 1948 г. — 0,5 кг, в 1949 г. — 0,8 кг. [32]. Оплата труда в колхозах зависела от многих факторов: величины собранного урожая, себестоимости полученной продукции, обеспе-

ченности каждого коллективного хозяйства средствами производства, трудовыми ресурсами. Так, колхозы-миллионеры могли выдать своим работникам по 3 кг зерна и более, но в 1949 г. в области насчитывалось лишь 7 таких хозяйств, в 1952 г. — 13 [33]. Большинство колхозов относилось к экономически слабым и «отстающим» [34]. На этом фоне среди сельского населения нарастали антиколхозные настроения [35].

Чаще недовольство колхозников проявлялось в попытках переехать в город, невыполнении установленного минимума трудодней. Так, в 1948-1951 гг. численность сельских жителей Тюменской области сократилась с 368196 до 326836 человек, или на 11,2%. Установленный государством минимум трудодней в 1948 г. не выполнили 12943 (7,4%), в 1949 г. — 13725 (8%), а в Аромашевском районе — 11% селян [36]. В последующие годы положение мало изменилось. В 1952 г. минимум трудодней не выполнили 7200 человек (5,6%), в 1953 г. — 8200 (6,5%). В 1952 г. в среднем на 1 трудодень полагалось 1,4 кг зерна и 0,64 руб., в 1953 г. — соответственно 2,6 кг и 1,47 руб. [37]. В то же время в Маслянском, Нижне-Тавдинском, Велижанском, Сорokinском и ряде других районов выдача зерна на трудодень вплоть до 1952 г. не превышала 0,3 кг хлеба [38]. Если в 1940 г. в Тюменской области фонд зерновых и денежных отчислений по трудодням составлял 11,3% валового сбора зерновых и 27,4% от общей суммы денежного дохода, то в 1953 г. — соответственно 14 и 35,8% [39].

Положение крестьян не улучшилось с укрупнением колхозов (и связанным с ним сокращением подсобных крестьянских подворий) в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Попытка решить экономическую проблему чисто административным путем не увенчалась успехом. Всего за один только 1950 г. было объединено 1223 колхоза, что составило 70% их численности [40]. В результате количество колхозов сократилось почти вдвое, в основном за счет слабых и мелких по размерам хозяйств. Не все население было согласно с такими мерами. Часть колхозников высказывалась против укрупнения, не желая объединяться с бедными соседями. К примеру, колхозница колхоза им. Стаханова М. Крылова говорила: «У них много задолженностей, их каждый год затопляет, и мы будем платить за них государству. Пусть живут одни как хотят». Ей вторили колхозники М. Захаров и Ф. Рекедо: «Они набрали много ссуды, у них мало рабочей силы и нет мужчин, мало продуктов. Если объединимся, то положение не изменится, а мы и без них хорошо справлялись, и будем жить хорошо» [41]. Но мнение сельских жителей не учитывалось, хотя их опасения оправдались. После слияния колхозы, ранее не имевшие задолженностей по поставкам сельхозпродукции государству, по существу были вынуждены рассчитываться за присоединившиеся хозяйства. А это, в свою очередь, отрицательно отразилось на оплате труда в бывших «преуспевающих» сельхозартелях. Так, на 1 января 1951 г. задолженность колхозов по зерновым культурам составила 596 977 т, мясу — 3522 т, молоку — 6342 т, шерсти — 316 т, яйцу — 8684 тыс. штук [42]. Для того чтобы полностью рассчитаться с государством, Тюменская область должна была сдать не менее 90 пудов с каждого га уборочной площади, а отдельные районы даже больше. Погасить долги в тех условиях было не реально.

Укрупнение колхозов, конечно, привело к увеличению размеров их посевных площадей (с 723 га до 2089 га), численности трудоспособных колхозников (с 73 до 224), хотя преодолеть отставание деревни с помощью таких мер не представлялось возможным. Более того, в первые годы после поспешного объединения колхозных хозяйств наблюдается сокращение поголовья скота, из-за ломки севооборотов происходит снижение урожайности [43]. Таким образом, экономические выгоды от проведенной кампании оказались незначительными.

Иными были ее политические итоги. Укрупнение позволило усилить нажим на крестьянство, одним из важнейших рычагов которого стали первичные партийные организации. К 1951 г. их количество в колхозах возросло в 4 раза, повсеместно создавались комсомольские организации. Коммунистами были 81% председателей, 31% бригадиров [44].

Главным итогом восьмилетнего напряженного труда крестьянства Тюменской области стало преодоление наиболее тяжелых последствий военного времени. Вместе с тем уровень производства сельскохозяйственной продукции отставал от растущих потребностей населения в продуктах питания, а легкой промышленности — в сырье. Многие задачи восстановительного характера были решены только в 1950-е гг. В 1953 г. превысили посевную площадь 1940 г., но средняя урожайность (8,5 ц) была даже ниже. Не удалось достигнуть довоенного уровня заготовок хлеба [45]. В целом потенциал аграрного сектора в начале 1950-х гг. еще не был достаточно весом. Уровень жизни селян оставался низким. Деревня ждала перемен. Требовалось ее реформирование, основой которого бы явилось повышение экономического стимулирования и материальной заинтересованности крестьянства в результатах своего труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подсчитано по: Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1960. С. 536, 600.
2. ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 66. Д. 100. Л. 1, 26.
3. Там же. Оп. 9. Д. 82. Л. 1.
4. Наш край. Хрестоматия по истории Тюменской области (1917-1970 гг.). Свердловск, 1973. С. 298.
5. КПСС и некоторые социальные проблемы сельского хозяйства. Свердловск, 1974. С. 53.
6. Донченко И. Демобилизация советской армии и решение проблемы кадров в первые послевоенные годы // История СССР. 1970. № 3. С. 99-100.
7. Там же. С. 99.
8. ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 161. Л. 25, 27.
9. Там же. Ф. 124. Оп. 9. Д. 82. Л. 80.
10. Там же. Оп. 15. Д. 7. Л. 7-13.
11. Там же. Оп. 54. Д. 294. Л. 20-24.
12. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 54. Л. 7, 71; ГАОПОТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 377. Л. 70; Ф. 124. Оп. 9. Д. 82. Л. 2.
13. Подсчитано по: ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 294. Л. 77.
14. Подсчитано по: Народное хозяйство Тюменской области и г. Тюмени. Стат. сборник. Омск, 1958. С. 106; ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 66. Д. 100. Л. 74.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. 1898-1971. Т. 6. 1941-1954. М., 1971. С. 173-179.
16. ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 288. Л. 21, 50.
17. КПСС и некоторые социальные проблемы сельского хозяйства. С. 56.
18. ГАОПОТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 357. Л. 17-19; Ф. 124. Оп. 15. Д. 19. Л. 37.
19. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 23.
20. Тюменская правда. 1947. 27 июня.
21. Подсчитано по: Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет Советской власти. Стат. сборник. Омск, 1967. С. 181; Наш край. Хрестоматия по истории Тюменской области (1917-1970 гг.). С. 322.
22. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 261. Л. 265; ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 72. Д. 338. Л. 38-59.
23. ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 72. Д. 338. Л. 186.
24. Там же. Л. 38-59.
25. Подсчитано по: Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет Советской власти. Стат. сборник. С. 181.
26. Попов В. П. Крестьянство и государство (1945-1953 гг.). Париж, 1992. С. 159-160.
27. ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 226. Л. 135.
28. Там же. Оп. 9. Д. 150. Л. 118.

29. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. 1898-1971. Т. 6. 1941-1954. М., 1971. С. 388.
30. ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 78. Д. 297. Л. 36.
31. Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 25.
32. ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 161. Л. 55.
33. Там же. Оп. 78. Д. 297. Л. 33, 43, 53.
34. Там же. Оп. 54. Д. 161. Л. 55.
35. Там же. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 14. Л. 36-38, 64-74.
36. Подсчитано по: ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 161. Л. 25-27.
37. Подсчитано по: ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 78. Д. 297. Л. 33-48.
38. ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 66. Д. 100. Л. 23.
39. Подсчитано по: ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 161. Л. 8, 10; Оп. 78. Д. 297. Л. 34-35, 48.
40. Подсчитано по: ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 283. Л. 31.
41. ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 284. Л. 5 об., 29.
42. Там же. Оп. 66. Д. 100. Л. 24-25.
43. Там же. Оп. 54. Д. 283. Л. 1-3.
44. Подсчитано по: ГАОПОТО. Ф. 124. Оп. 78. Д. 303. Л. 111-119; Оп. 66. Д. 246. Л. 64.
45. Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет Советской власти. Стат. сборник. С. 14.

*Валентина Евгеньевна ИВАНЕНКО —
доцент кафедры социально-экономических наук
Тюменской государственной
сельскохозяйственной академии,
кандидат исторических наук*

УДК 947.084. 62

СОСТОЯНИЕ КОНЕВОДСТВА В ЗАУРАЛЬЕ В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Изложена история развития коневодства в Зауралье в 1930-е гг., показано отрицательное воздействие политики сплошной коллективизации.

The author describes the history of horse breeding in Trans-Urals region in the 1930-s and demonstrates the negative consequences of the common collectivization policy for this field of agriculture.

Переход к сплошной коллективизации в 1929-1930 гг. вызвал изменения в организации материально-технической помощи государства сельскому хозяйству: снабжении тракторами и машинами, выделении кредитов. Предпочтение отдавалось зерновым районам: Северному Кавказу, Средней и Нижней Волге, степной Украине. К весенней посевной кампании 1930 г. сельское хозяйство должно было получить 12 тыс. тракторов. Почти все они выделялись совхозам и другим государственными предприятиями. Их планировали распределить среди МТС и колхозов зерновых районов. Из дополнительно выделенных 4 тыс. тракторов 75% направлялись тоже в зерновые районы. В незерновых районах один новый трактор приходился на 50-60 колхозов. Поэтому основной тягловой силой в колхозах в первые годы коллективизации оставались лошади.

Рассмотрим состояние коневодства в Зауралье на рубеже 1920-х-1930-х гг. Несмотря на огромную потребность в тягловой силе, с 1929 г. отмечалось уменьшение поголовья лошадей. Перед стойловым периодом 1929-1930 гг. власти